

В. Д. КУЗЬМИНА

Критико-библиографический обзор статей и заметок по истории древнерусской литературы в журнале «Revue des études slaves» (1932—1955)

Информация о статьях по древнерусской литературе в зарубежной периодике, в том числе в данном журнале (кончая 1931 г., т. XI), была дана читателям ТОДРА покойным акад. М. Н. Сперанским (Критико-библиографические заметки о новых трудах по истории древнерусской литературы. ТОДРА, т. I. Л., 1934, стр. 359).

Предлагаемый обзор объединяет сведения о статьях и заметках по истории древнерусской литературы, напечатанных в последующих томах (XII—XXXII) «Revue des études slaves» (далее обозначаем сокращенно RES) за 1932—1955 гг.

Статьи объединены по историческим периодам и сгруппированы вокруг отдельных произведений или писателей, которые привлекали внимание зарубежных ученых.

Из литературы Киевской Руси исследователи обращались к трем произведениям: так называемому «Изборнику» Святославу 1076 г., «Слову о полку Игореве» и «Слову на антипасху» Кирилла Туровского.

Первому из этих произведений посвящены две статьи Н. П. Попова: «L'Изbornik de 1076 dit de Svjatoslav comme monument littéraire» (RES, 1934, XIV, стр. 5—25) и «Les auteurs de l'Изbornik de Svjatoslav de 1076» (RES, 1935, XV, стр. 210—223).

И. У. Будовниц в статье «Изборник Святослава 1076 года и „Поучение“ Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли» (ТОДРА, т. X. 1954, стр. 44—62) подробно остановился на мнении Н. П. Попова, который доказывал русское (а не болгарское) происхождение «Изборника» и считал его произведением митрополита Илариона и его школы. Действительно, доводы Н. П. Попова относительно составления «Изборника» на Руси вполне убедительны, но нет достаточных оснований приписывать его целиком или частично митрополиту Илариону. И. У. Будовниц показывает тесную связь идейной основы и содержания «Изборника» с обострением классовых противоречий на Руси во второй половине XI в., существенно дополняя наблюдения Н. П. Попова, сосредоточенные преимущественно на художественной форме вошедших в «Изборник» произведений.

Наибольшее количество статей и заметок посвящено «Слову о полку Игореве». Количество первое место занимает цикл статей проф. А. Мазона («La Zadonščina» réhabilitation d'une oeuvre. RES, 1938, XVIII, стр. 5—40; «Le Slovo d'Igor»: le sujet et le cadre; le modèle principal, les adaptations massives. RES, 1938, XVIII, стр. 163—213; 1939, XIX, стр. 52—

86, 242—288), объединенных в 1940 в. в монографию «Le Slovo d'Igor» (Paris, 1940), дополненную затем статьей «Le Slovo d'Igor» (RES, 1944, XXI, стр. 5—45).

Научная несостоятельность стремления А. Мазона доказать, будто «Слово о полку Игореве» — подделка конца XVIII в., была раскрыта Н. К. Гудзием (Ревизия подлинности Слова о полку Игореве в исследовании проф. А. Мазона. Ученые записки МГУ, вып. 110, Труды Кафедры русской литературы, кн. 1, М., 1946, стр. 153—187), В. П. Адриановой-Перетц (Задонщина. Опыт реконструкции авторского текста. ТОДРЛ, Л., 1948, т. VI, стр. 205—217), Р. Якобсоном (L'authenticité du Slovo. La geste du prince Igor. Еропée russe du XII-e siècle. Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves, т. VIII. 1945—1947, New York, 1948, стр. 235—360) и многими другими как советскими, так и зарубежными учеными. На возражения против его концепции проф. А. Мазон ни разу не дал полного и развернутого ответа.¹

Следует также обратить внимание исследователей «Слова о полку Игореве» на статью проф. А. Мазона «Claude Fauriel et les poèmes prétendus anciens de Russie et de Bohême» (RES, 1944, XXI, стр. 121—131). В этой статье проф. А. Мазон печатает 9-ю лекцию Клода Фориеля, прочитанную в Сорбонне в 1831/32 учебном году и посвященную «Слову о полку Игореве» и Краледворской рукописи, поддельность которой еще не была известна. В своем введении проф. А. Мазон возвращается к своим обычным сомнениям в подлинности «Слова» (стр. 123—125). На стр. 128—131 напечатан текст части лекции К. Фориеля, посвященной «Слову о полку Игореве». К. Фориелю известно обнаружение рукописи в 1795 г. и первое издание 1800 г. Он обращает внимание на историчность поэмы, подчеркивает ее лиро-эпический характер и считает, что основная часть поэмы заканчивается картиной разгрома Игорева войска половцами.² Далее, по мнению Фориеля, следуют лирические эпизоды. Фориель полагает, что «Слово о полку Игореве» — образец отдельной песни о крупном событии национальной истории. С таких именно песен, считает К. Фориель, началось развитие эпоса в странах Европы.

Заметки по «Слову о полку Игореве», помещенные в тт. XII—XXXII RES, касаются понимания отдельных слов («русичи» — В. Unbegaun. Les «Rusići/Rusieis du Slovo d'Igor». RES, 1938, XVIII, стр. 79—80), словосочетаний (А. Vaillant. «Ярославна рано плачет». RES, 1949, XXV, стр. 106—108), истолкования темных мест («земля Трояня» — А. Vaillant. «La Terre de Trajan». RES, 1948, XXIV, стр. 179—180; «готские девы» — Е. Borschak. «Les jeunes filles gothes du Slovo d'Igor». RES, 1950, XXVI, стр. 137—138).

Е. Борщак полагает, что упоминание в «Слове» готских дев — доказательство поддельности произведения, являясь отзвуком присоединения Крыма к России в XVIII в. и провозглашения митрополита Игнатия митрополитом «готфийским и кафийским».

В. В. Мавродин указал, что автор мог иметь здесь в виду крымских готов или готов-тетракситов, живших в XII в. на Тамани и южнее ее, по берегу Черноморья (В. В. Мавродин. Очерки истории левобережной Украины. Л., 1940, стр. 267). Анализируя высказывания проф. Мавродина, Д. С. Лихачев уточнил, что речь шла в данном случае именно о тмутороканских готах, которым поход Игоря угрожал вместе с половцами

¹ В «Journal des savants» (1948, janvier—juin, стр. 23—25) А. Мазон напечатал рецензию на работу В. П. Адриановой-Перетц о «Задонщине» в т. V ТОДРЛ, однако полного разбора всей аргументации В. П. Адриановой-Перетц не дал.

² По непонятным причинам К. Фориель считает половцев татарским племенем.

(Слово о полку Игореве, под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия Литературные памятники), стр. 430). Это показывает совершенную необоснованность точки зрения Е. Борщака.

А. Вайан в статье «Cyrille de Tourgov et Grégoire de Nazianze» (RES, 1950, XXVI, стр. 34—50) рассматривает вопрос о заимствовании Кириллом Туровским описания весны в «Слове на антипасху» из аналогичного «Слова» Григория Назианзина. Проф. А. Вайан приходит к выводу, что Кирилл Туровский не только заимствовал это описание, но, главное, испортил его, введя цепь схоластических аллегорий в картину весеннего пейзажа. Следует принять во внимание, что сличение текстов, приведенное А. Вайаном, указывает на отсутствие рабского подражания византийскому образцу, а творческая переработка знаменитых произведений отцов церкви типична вообще для средневековых проповедников, она свойственна и Кириллу Туровскому, как указывал В. П. Виноградов (О характере проповеднического творчества Кирилла, епископа Туровского. Сб. статей в память столетия Московской духовной академии. Сергиев посад, 1915, ч. 2, стр. 313—395). Отличия легко объясняются различными историческими условиями и существенной разницей между ораторским искусством древней Руси XII в. и Византии IV в.

Преемственной связи традиций литературы Киевской Руси с развитием литературы на северо-востоке в последующие столетия посвящены две работы безвременно погибшего М. Горлина:³ статья о Серапионе Владимирском (Sérapion de Vladimir, prédicateur de Kiev. RES, 1948, XXIV, стр. 21—28) и заметка об отголоске Похвалы князю Рюрику Ростиславичу (Ипатьевская летопись, 1200 г.) в произведении инока Фомы «Слово похвальное тверскому князю Борису Александровичу» (Un écho de l'éloge de Ruric Rostislavič. RES, 1942, XX, стр. 156—158).

Приведенные М. Горлиным шесть примеров близких совпадений текста позволяют принять его точку зрения и считать доказанным, что тверской инок-публицист XV в. знал не только Тверскую летопись, местные статейные списки, Начальную летопись, «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, паримийное Чтение о Борисе и Глебе (все это было указано А. А. Шахматовым: Отзыв об издании Н. П. Лихачева «Инока Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». Памятники древней письменности и искусства, № 176. СПб., 1911, Приложения, стр. 15—28), но также летопись по Ипатьевскому списку. В последней привлекли его внимание как эпизоды ранних сказаний Начальной летописи (ср.: А. А. Шахматов. Отзыв об издании Н. П. Лихачева..., стр. 17 — о дарах греческого императора Святославу, крещение Владимира), так и одно из позднейших поэтических произведений, внесенное в нее под 1200 г.

Далеко не столь бесспорно мнение М. Горлина о том, что Серапион Владимирский был исключительно киевским, а не владимирским проповедником. В отличие от Е. В. Петухова (Серапион Владимирский — русский проповедник XIII века. СПб., 1888), считавшего, что четыре из пяти дошедших до нас «слов» Серапиона, были произнесены во Владимире в 1274—1275 гг., М. Горлин утверждает, что лишь одно — последнее — было составлено и произнесено во Владимире, а четыре первых следует относить к киевскому периоду деятельности Серапиона (1230-е—первая половина 1270-х годов). Н. К. Гудзий в статье «Где и когда протекала литературная деятельность Серапиона Владимирского» (ИЮЛЯ, 1952, т. XI, вып. 5, стр. 450—456) показал, что, во-первых, надо говорить не

³ М. Горлин был схвачен и замучен в фашистском гестапо в 1942 г. Некролог М. Горлина и список основных трудов см.: RES, 1946, XXII, стр. 289—290.

о пяти, а лишь о четырех произведениях Серапиона, так как пятое «слово» — лишь редакция предшествующего. Не случайно, что «Златая цепь» включает лишь четыре «слова» Серапиона, а пятое помещается лишь начиная с Паисиевского сборника. Таким образом, четвертое и пятое «слова» — безусловно относятся к владимирскому периоду деятельности Серапиона. Отнесение М. Горлиным почти всех произведений Серапиона к Киеву, как показал Н. К. Гудзий, основано на неправильном представлении о мирных добрососедских отношениях северо-восточных княжеств Руси с татарами (что противоречит исторической действительности), на неполном и неточном цитировании. Таким образом, второе «слово» Серапиона (по М. Горлину; третье — по нумерации Е. В. Петухова) нет основания обязательно относить к Киеву. Вопрос о датировке третьего «слова» Серапиона (по М. Горлину, второго — по Е. В. Петухову) представляется не вполне ясным за отсутствием неоспоримых данных для датировки в тексте произведения.

М. Горлин и Н. К. Гудзий предлагают разные датировки (1260-е годы или около 1275 г.) в зависимости от того, как они понимают указание Серапиона на начало сорокалетия, в течение которого Русь терпит беды под властью татар (начиная с 1223 или 1237 г.).

М. Горлин предлагает вести счет от битвы на р. Калке (1223 г.), Н. К. Гудзий — от похода на северо-восточную Русь в 1237 г., что представляется более вероятным. Возражения проф. А. Мазона Н. К. Гудзию не достигают цели за неимением новых доказательств (RES, 1953, XXX, стр. 156). По-видимому, вопрос о датировке данного «слова» следует считать открытым и признать пока установленным, что первое «слово» было произнесено в Киеве, а второе, четвертое и пятое — во Владимире.

Впрочем, датировка и локализация произведений без тщательной текстологической работы не могут считаться правомерными и убедительными. Изучение и научное издание наследия Серапиона Владимирского — одна из очередных задач советских историков древнерусской культуры.

За последние два десятилетия зарубежные слависты не раз обращались к одному из наиболее поэтических произведений древнерусской литературы XIII в. — «Слову о погибели Русской земли». М. Горлин посвятил ему статью («Le Dit de la terre Russe et de la mort du grand prince Jaroslav. RES, 1947, XXVIII, стр. 5—33»), в которой доказывает, что оно не было самостоятельным произведением, а с самого начала было соединено с повествованием о смерти Ярослава Всеволодовича. Последнее М. Горлин восстанавливает по Степенной книге и вступлению к житию ярославского князя Федора Ростиславовича, написанному Андреем Юрьевым, и создает реконструированный текст, объединяющий «Слово о погибели Русской земли» с рассказом о смерти Ярослава. С возражением против точки зрения М. Горлина дважды выступал профессор Женевского университета А. В. Соловьев (Le Dit de la ruine de la terre Russe. Byzantion, t. XXII. Bruxelles, 1953, стр. 105—128; New traces of the Igor Tale in old Russian literature. Harvard slavic studies. Harvard university press. Cambridge Massachusetts, 1953, v. I, стр. 73—81), доказывая, что «Слово о погибели» было создано как самостоятельное произведение, близкое к «Слову о полку Игореве» по своему жанру и поэтическому стилю. Природе, составу и датировке «Слова о погибели» посвящена специальная статья Н. К. Гудзия «О Слове о погибели Русская земля» в XII т. ТОДРА (1956, стр. 527—545), прочитанная первоначально как доклад 20 декабря 1955 г. на заседании группы по изучению древнерусской литературы в ИМЛ.

Малоудовлетворительной из-за эмпирического рассмотрения литературной истории произведения представляется статья А. Фролова (Le Zna-

ménié de Novgorod, évolution de la légende. RES, 1948, XXIV, стр. 67—81; 1949, XXV, стр. 45—72). А. Фролов рассматривает развитие сказаний о чуде богородичной иконы Знамения во время битвы суздальцев с новгородцами вне всякой связи с конкретно-историческими условиями политической жизни Новгорода Великого в XII—XV вв. Кроме того, выдающиеся произведения новгородской иконописи об этом событии автор знает лишь частично, например, иконы Русского музея и б. Гостинопольского монастыря ему неизвестны. И по методологии, и по неполноте материала его большая статья (свыше 3 печатных листов) невыгодно отличается от кратких и разносторонних характеристик этих произведений в работах советских исследователей, оставшихся ему неизвестными (ср.: Д. С. Лихачев. Литература Новгорода XIV—XV вв. В кн.: История русской литературы, т. II, М.—Л., 1945 (АН СССР), стр. 263—264; В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 112—120).

Автор обширной монографии о Максиме Греке (Maxime le Grec et l'Occident. Paris, Louvain 1943, 460 стр.),⁴ И. В. Денисов выступил в RES с тремя статьями, которые являются как бы дополнением к ней: об изданиях сочинений Максима Грека (Les éditions de Maxime le Grec. RES, 1944, XXI, стр. 112—120), о двух течениях в русском православии XV в. (Aux origines de l'église russe autocéphale. RES, 1947, XXIII, стр. 66—88), о посмертных жизнеописаниях Максима Грека (Maxime le Grec et ses vicissitudes au sein de l'église russe. RES, 1954, XXI, стр. 7—20).

На основании изучения архивов Афона, Корфу, Болоньи, Флоренции, Рима, Венеции, Парижа, Эскуриала и Александрии проф. И. В. Денисов воссоздал ранний период биографии Максима Грека, установил его мирское имя (Михаил Триволис) и раскрыл жизненный путь его до прибытия на Русь. Уроженец г. Арта, Михаил Триволис в юности посещал университеты Франции и Италии, работал у известного итальянского типографа Альда Мануция, несколько лет был сотрудником Пико де ла Мирандола, а в 1502—1504 гг., после принятия католичества, стал монахом доминиканского монастыря св. Марка в Венеции. С 1505 г. Максим Триволис возвращается к православию, покидает Италию и вступает в Ватопедский монастырь на Афоне.

Современный исследователь жизни и деятельности Максима Грека не может пройти мимо работ И. В. Денисова, замечательных по широте изученных архивных материалов. Но как выше названная монография, так и статьи И. В. Денисова в RES отличаются католической тенденциозностью, снижающей их научную ценность. Значение католичества явно преувеличено, на наш взгляд, в анализе мировоззрения Максима Грека. Борьба разных течений в русской религиозной идеологии XV в. (иосифляне и их противники) неверно представлены И. В. Денисовым лишь как результат западного влияния.

Исследование В. Ф. Ржиги о Максиме Греке (Максим Грек как публицист. ТОДРЛ, т. I. 1934, стр. 5—120), а также новейшие советские работы по истории русской общественной мысли XV в. (И. М. Кудрявцев. Послание на Угру Вассиана Рыло как памятник публицистики XV века. ТОДРЛ, т. VIII. 1951, стр. 159—186; А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. ТОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 159—177, и др.) дают гораздо более точную, правильную и разностороннюю картину, связывая развитие идеологии с русским историческим процессом и развитием классовой борьбы в условиях феодализма XV в.

⁴ Подробный разбор этой монографии был дан А. Мазоном (A. Mazon. Michel Trivolis dit Maxime le Grec. Journal des savants, 1943, juillet, стр. 97—106).

Из статей И. В. Денисова в RES для исследователей наиболее ценна в силу указанных причин статья 1944 г., которая содержит сравнительный критический анализ двух изданий сочинений Максима Грека (Казань, 1859—1862 и Троицкая Лавра, 1910) и указания на наиболее авторитетные списки сочинений Максима Грека, которые либо были копиями с автографа, либо принадлежали ближайшим современникам Максима Грека.

Интересны отдельные наблюдения И. В. Денисова над развитием житийной легенды о Максиме Греке на Руси в XVI—XVIII вв. и убедительное установление авторов первых жизнеописаний Максима Грека в XVI в. — А. М. Курбского и диакона Исаяи Копинского.

Русской литературе XVII в. на страницах RES посвящены две статьи: в первой из них проф. А. Мазон ставит вопрос об источниках повести о Горе-Злочастии (А. Мазон. «Malheur-Mauvais Destin». RES, 1951, XXVIII, стр. 17—42); во второй — проф. Б. О. Унбегаун изучает стихотворные элементы недавно изданного проф. А. Мазоном «Артаксерсова действия» по списку Лионской библиотеки (B. O. Unbegaun. Les débuts de la versification russe et la Comédie d'Artaxerxès. RES, 1955, XXXII, стр. 32—41) и ставит вопрос о роли иноземцев в развитии силлаботонической системы стихосложения на Руси.

Вряд ли найдет проф. А. Мазон единомышленников в своем воззрении на повесть о Горе-Злочастии как одной из обработок евангельской притчи о блудном сыне, в которой, кроме библейских персонажей, нашел отражение образ Горя, созданный в народной поэзии. Многочисленные западноевропейские параллели и ссылка на Симеона Полоцкого («Комедия о притче о блудном сыне») в данном случае совершенно не убедительны, так как различия оказываются гораздо значительнее общего сходства в сюжетной схеме (неповиновение родителям, своеволие, наказание), широко распространенной в литературе эпохи феодализма.

Проф. Б. Унбегаун тщательно выделил тонические стихотворные строки (шести- и четырехстопные ямбы) в 1-м акте русского текста «Артаксерсова действия» (стр. 65, 67, 69, 71, 73, 75 и 81 по изданию проф. А. Мазона) и отметил, что в дальнейшем тонический стих в этой пьесе исчезает, заменяется рифмованной прозой досиллабической поэзии.

Наличие тонических стихотворных вставок в тексте пьесы, по мнению Б. Унбегауна, — доказательство того, что не только немецкий текст, но и русский написан кем-то из немцев. Ему кажется невозможным допустить, чтобы кто-либо из русских в 1672 г. владел силлаботоническим стихом (стр. 36). Повести о Горе-Злочастии, о Сухане, Песни П. А. Квашнина-Самарина, С. И. Пазухина и другие произведения показывают, что владение тоническим стихом не было редкостью среди русских людей XVII в.

Поэтому довод Б. Унбегауна звучит столь же неубедительно, как и его мнение, что Тредиаковского и Ломоносова вдохновила на реформу стихосложения немецкая поэзия (стр. 34), хотя первый приводил образцы стихотворных размеров из русских народных песен, а второй указывал на необходимость соответствия стихосложения природе языка.

Вопрос об авторе (или авторах) «Артаксерсова действия» остается пока открытым, тем более что синтаксис и лексика пьесы с малым количеством германизмов, а в отдельных случаях и с прямым непониманием немецкого текста оригинала не противоречат тому, чтобы это был русский автор, как указывает сам проф. Б. Унбегаун (стр. 36).